



Кошка с Собакой 2

Городская сага для взрослых

Алексей
Свешников

Альтернативная литература

Алексей Н. Свешников

Кошка с Собакой 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48650730

Кошка с Собакой 2. / Свешников А. Н.: Альтернативная литература;

Москва; 2019

ISBN 978-5-4219-0011-5

Аннотация

Городская сага для взрослых, потрясающе остроумная повесть, с иронией и грустью описывающая жизнь и внутренний поиск молодого мужчины в современном обществе. История противостояния личности с навязанными стандартами. Тесное переплетение абсурдного и смешного, документальности и выдумки вместе с неподражаемым исполнением автора создают полное ощущение реальности происходящего и заставляют читателя чувствовать себя в эпицентре интереснейших событий.

Содержит нецензурную брань

Содержание

1	5
2	23
3	39
4	57
5	73
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Алексей Свешников

Кошка с Собакой 2

В книге полностью сохранен авторский стиль

1

Исторически так сложилось, что иногда я немножко выпивал. Осознавая всю пагубность и бесконечно стыдясь за свою слабость, я, как всякий закоренелый алконавт, всё же не переставал искать оправданий. Например, я совершенно уверен, что человек непьющий не сможет так понять другого человека, как это делает рядовой хроник. Правда это понимание не материально, а напоминает ободряющее похлопывание по плечу, но, когда до того, кому ты выражаешь сочувствие, не дотрагиваешься. Этаким буддистский хлопок одной ладонью. К сожалению, чудеса под «этим делом», в виде разбитой рожи или внезапных приключений на жопу, тоже случаются, но мы ведь все не настоящие волшебники, а только учимся? А сколько умных мыслей приходит в голову, пока ты сидишь и смотришь, как уменьшается уровень жидкости в бутылке? Космос! Открываются такие дали, и в такие глубины заглядывает твой слегка замутнённый рассудок, что Фрейд бы пошёл и убился со всего размаху о троллейбус на Невском проспекте от бессильной зависти учёного червя, потратившего жизнь на пустые университетские побасенки, оторванные от пуповины действительности. А накали старина Фрейд пару стаканов, глядишь и перестал бы видеть во всём хуй с пиздой. Человеком бы стал нормальным...

В Питере все времена года хороши по-своему. Есть конеч-

но же предпочтения. Для меня, например, лето – безоговорочный лидер в этом негласном соревновании. Марине зима нравится. Вован выбирает осень, он – человек пушкинского замеса, любит женщин и дуэли. Да что я вам рассказываю, вы же сами с усами: сколько людей, столько и мнений. Но есть такие сезонные национальные забавы, которые для меня хуже зубной боли. Я говорю о лыжах. Ненависть к этому спорту во мне живёт с детства. Со школьной скамьи, когда нас, малолетних безропотных учеников, выгоняли на эти безумные лыжные уроки физкультуры. У меня всегда отмерзали ноги, и я проклинал того идиота, который внёс эту пытку в школьную программу. Апофеозом были массовые забеги, проводившиеся раз в год для всех школ. Происходило это на Ржевке. Я ехал туда в холодном трамвае и замерзал до состояния говяжьей туши в рефрижераторе ещё до начала официальной экзекуции. Мама собирала мне мешочек с термосом и бутербродами. В термосе был чай, и я всегда просил, чтобы он был не сладкий. Я не говорил маме, что этим чаем я отогреваю свои ноги, просто выливая его на побелевшие пальцы и ступни. Потом, когда всё заканчивалось, измученный, я садился в ненавистный трамвай, чтобы ехать домой. Группа «Земляне» пела в то время песню про «счастье – путь домой». Нихуя это не счастье, а земляне эти с другой планеты...

С тех пор зимний спорт для меня всегда ассоциировался с пыткой участвующих и слабоумием организаторов.

– День добрый! – так радостно здороваться по понедельникам может только не отягощённый жизненными проблемами человек.

Я хмуро посмотрел на соседа-спортсмена. Надо было что-то ответить.

– Привет.

– У меня предложение есть, – спортсмен хитро улыбнулся, если конечно можно было так назвать этот его спазм мышц лица.

– Да? – я традиционно внутренне напрягся от этого предложения.

– Как насчёт семейного выезда на лыжах? Погода сейчас оптимальная, ветра нет, солнце...

– Я с детства большой противник обморожений. – вы-то теперь в курсе моего ответа.

К несчастью, на площадку вышла Марина.

– Что? Лыжи? Я – за!

Жена-предательница, что может быть страшнее в этой жизни? Только дети – Павлики Морозовы.

– Марина, ты же знаешь, что я не особо горю желанием отморозить пальчик.

Спортсмен понимающе хмыкнул.

– Наденьте термобельё. В нём точно не отморозите ничего.

– Это я Пушкина цитировал, – пояснил я. – Там про дру-

гой пальчик было. Обычный.

– А... Пушкина зимой застрелили как раз... – вспомнил спортсмен ни к селу, ни к городу.

Я покорно выдержал этот внезапный всплеск эрудиции.

– Может, всё-таки, отложим до лета? – попробовал я пойти ва-банк.

Спортсмен аж подпрыгнул:

– Отличная идея! Летом – велопробег! – и глаза у него блеснули как у питона Каа.

– Велопробег, это замечательно, но только я на рикше поеду. Можно же рикш в список участников вносить?

Марина потянула меня за руку:

– Поехали! Ну чего нам сидеть в четырёх стенах? Возьмём животных, им природа жизненно необходима.

Так, слова, сказанные про ходячие пылесборники, обычно открывают двери прямиком в ад. Так и произошло... послышалось торопливое шуршание, и вот уже две мохнатые морды смотрят на меня. В отличие от соседа, у них они действительно хитрющие. Этакие заговорщики перед декабрьским стоянием на Сенатской. Там, правда, ещё заяц был, который Пушкина спас. Я безнадёжно осмотрел лестничную площадку. Никакого спасительного зайца, разумеется, не было. Пропал я, как генерал Милорадович...

– Так что, едем? – Марина продолжала трясти меня за руку, словно школьница.

– Хорошо, – сдался я. – Едем, только надо экипироваться.

Нужны лыжи, палки, ботинки, трусы с начёсом. У нас же нет ничего!

– Вот вам визитка, – спортсмен оживился, как пожарный шланг, когда в него дают десять атмосфер. – Скажите хозяйину, что от меня, он вам скидку сделает пятьдесят процентов.

– Спасибо! – я спрятал карточку в карман. – Ну что, все по домам, а я на заработки инвентаря и амуниции.

В силу своего неубиваемого убеждения, что всё плохое рано или поздно должно заканчиваться, я был уверен, что утренний разговор с соседом так и канет в историю. Но вечером, когда я накормленный и довольный изучал расположение букв в газете и как гениальный Нэш, искал в этом какой-то свой скрытый смысл, раздался звонок в дверь. Сколько уже всякой херни в этом доме начиналось с такого вот вполне безобидного звонка? Я, чертыхаясь, пошёл открывать.

– Кто там? – крикнула Марина из кухни.

– Откуда я знаю? Я ещё не открыл!

– Спортсмен, – успела шепнуть собака, пока я отпирал замки.

И правда, он собственной персоной высился в дверном проёме как утёс.

– Добрый вечер, – сразу намекнул я.

Он радостно кивнул и начал про свои лыжи:

– Я сегодня договорился, позвонил знакомому товарищу, так что нас ждут вечером в пятницу.

Я выдержал паузу подлёта миномётного снаряда. Даже присвистнул слегка. Тут подошла Марина.

– Едем? Ура!

– Марина, мы ещё не обсудили это в нашем тесном семейном кругу.

– А что тут обсуждать! – горячо влез сосед.

– Да? – Марина встала руки в боки и подозрительно сдвинула брови. – Давай сейчас и обсудим.

– Хорошо, – сдался я, мысленно открутив им обоим их инициативные головы.

– Тогда завтра срочно нужно ехать за формой! – ну почему наш сосед такой большой и сильный и послать его нахер из-за этого не особо хочется?

Я кивнул:

– Завтра займусь...

Когда дверь закрылась, я повёл Марину на кухню, где попытался ещё раз объяснить ей всю глупость планируемой за-теи.

– А мне кажется, это то, что всем нам нужно. Верно? – Марина обратилась за поддержкой к тем, кто всегда наносит предательский удар в спину.

– Я только «за», – размахнулась собака.

– А я тем более, – вонзила поглубже кошка.

– Тогда едем! – провернула Марина.

Я глубоко вздохнул и открыл газету.

– Моё мнение здесь никого не интересует...

– Почему... интересуется, но только чтобы с ним не соглашаться.

– А я разве не это имел в виду?

– Ты хотел в последней попытке вызвать приступ жалости. Кошка невинно улыбнулась, и от этого мне захотелось закатить ей шалабан «пиявка».

Собака, правильно оценив ситуацию, ретировалась в комнату. Марина как ни в чём ни бывало что-то перебирала в ящике для ложек.

– Смирился? – между делом спросила она, когда в руке оказался внушительный половник.

– Без холодного оружия теперь не разговариваешь?

– Считаю, что это часть моей униформы.

– Что же будет, когда у тебя в руках будут два копья, – я изобразил лыжные палки.

– О! Думаю, тогда тебе придётся взвешивать каждую свою шутку.

– Может, я просто буду сидеть с бокалом хорошего виски у камина, пока вы со спортивной соседской семьёй будете кубарем лететь в пропасть?

Марина выразительно хлопнула поварёшкой по ладошке.

– Обои полетим...

Я кивнул, признавая этот раунд за ней.

Утром, чуть свет, после выстрела Петропавловской пушки, я вышел навстречу морозному утру. Сосед уже ждал ме-

ня, приседая рядом со своим джипом. Он, наверное, даже в туалете тужится с утяжелениями... Мы поздоровались, и я было направился к своей машине, но спортсмен остановил меня странным мелодичным рыком, в котором можно было распознать вежливое предложение ехать с ним. В конце концов, чёрт с этим со всем, хоть на бензин не угорю. Я мысленно плюнул и согласился.

До магазина я страдал под рассказы о пользе спорта и никудашности молодых поколений, идущих на смену нам, старикам. Приятно было, что я тоже вроде как получался этим самым нестигаемым и железным стариком, на которых всё сейчас держится. Хотя сам я такого титула всерьёз не воспринимал. Мне по наследству достались традиционные питерские плохие зубы, слабые лёгкие и привычка всё доедать за столом, особенно хлеб.

– Будем ориентироваться на средний уровень? – перешёл сосед непосредственно к нашему вопросу. Но я решил отчаянно тупить, чтобы хоть немного выиграть время:

– Средний уровень чего?

– Катания.

– Если обо мне говорить, то уровень даже начинающий... Марина, она, конечно, более продвинута, а собаку с кошкой я чего-то не спрашивал...

Сосед дёрнулся, но поборол воспоминания о своих, как он считал, галлюцинациях.

– Тогда даже лучше... Для начинающих всегда выбор больше. Это профессионалы испытывают затруднения в моделях лыж, в цвете, в форме...

– Ага... – я кивнул.

Знаю я таких «специалистов»... Эксклюзивные понты, которые заканчиваются на стандартной больничной койке.

– Форма – важная вещь. Многие недооценивают, а у меня как-то на соревнованиях, был случай, лопнуло трико...

– Где?

Спортсмен устремил задумчивый взгляд в небеса. Потом произнёс:

– Там.

– А-а-а... – я кивнул в знак сочувствия. – И как?

– Выиграл за три секунды. Такие вещи мобилизуют.

– А в контексте формы? – я напомнил, что эта история рассказывалась не для того, чтобы в очередной раз пропиаить соседа чудо-богатыря.

– А, про это... – сосед напрягся. – Форма была некачественная.

– Так может это и хорошо? Вон она как вас прокачала, почище допинга!

Сосед задумался, и я, признаться, испугался, поскольку, судя по тому, как шевелились складки на его лице, было видно, что решаемая задача в конкретно этой голове решения не имеет.

– Знаете, не могу даже сказать ничего... Никогда в таком

контексте не думал про это.

– Подумайте как-нибудь вечером... При просмотре спортивной передачи...

– О! Приехали!

Сосед неожиданно умело запарковался с ходу. Я, например, так лихо не умею. Мы вышли, и я тактично остановился, ожидая, пока спортсмен проверит, не забыл ли он чего в авто. Наконец, после многочисленных похлопываний по карманам и заглядывания в салон, мы пошли к дверям. Я и не подозревал, что тут есть магазин спортивной экипировки. Обычное подвальное помещение с лестницей вниз. Неброская реклама, почему-то коньков...

– Это для настоящих спортсменов магазин. Мой друг сам всё возит, по последним каталогам. Всё оттуда.

Сосед соорудил гримасу боли, изображавшую, по его мнению, «зарубеж».

– Понятно... – покорно согласился я.

Дальше действие напоминало плохо срежиссированный фильм с никудышным актёром. Никудышный актёр, разумеется, я. Сосед же наоборот, как только оказался в мире спортивного инвентаря, как звуковой барьер ебанутости прошёл. Не узнать человека стало. Глаза горят, постоянно что-то трясёт у меня перед глазами... и говорит... говорит...

«Когда ж ты умолкнешь-то?» – думаю. Реально устаёшь от всей этой восхищённой дрочки на лыжи-хуижи... Я сначала пытался заинтересованно поддакивать, но понял, что

ему это не нужно. Он молотил как боксёр грушу. Мне даже жалко стало его противников по татами. Если он боролся так же увлечённо, как и про лыжи заливал, шансы у них были мизерные.

И вот так он значит мне что-то поёт, а я хожу за ним, киваю... Потом только понял, что мы уже давно не «в лыжном», и трясёт он уже передо мной боксёрскими перчатками... Так... Это опасный поворот. Хорошо хоть не трико борцовским... Если так дело пойдёт, то следующий этап – на ринге окажусь.

– Вернёмся к лыжам, может?

Он замер от такого разворота. Мне показалось, что даже обиделся. Я посмотрел на него с сочувствием: нельзя таким сдвинутым, конечно, быть...

– Да. Что-то меня по старой памяти, видать, занесло...

«Ну, слава Богу!».

Хотя так остановиться в разгар полёта мысли, было для него подвигом. Однозначно. Как для моряка на берегу не выпить. Но для того он и закалял свой дух на тренировках, чтобы побеждать не только малохольных соперников, но и себя. Себя-то заломать сложнее всего. Кто для человека главный враг? Правильно – он сам. Все философы только об этом и трындят, как они себя побеждали-побеждали, да так и не выпобедили.

– Умеете лыжи выбирать?

– Это когда надо руку вытягивать?

Сосед просиял:

– А говорите, что не знаете ничего про лыжи...

Я горделиво дёрнул плечами как от удара током. Помню, в детстве, баловались такой деталькой из разобранных электрических приборов. Называлась «конденсатор». Сунешь в розетку два провода, а потом кому-нибудь через школьную форму их приложишь и удовольствие обеспечено. Детство золотое, где ты? Куда убежали твои лихие кони? Остались только сожаления выбранного пути, горечь растраченных лет и порченная печень. Нихуя иными словами, не осталось...

– Так, я тут собрал... – Это сосед, пока я витал в своих воздушных замках просранных надежд, собрал горнолыжную вязанку потенциальных дров.

– Ого! – похвалил я, поскольку всё равно ничего не понимал в предмете. Лыжи и лыжи... Какая разница, к лешему, кто их произвёл?

Я опять вспомнил историю из детства. Была у нас в классе одна спортсменка. Бегала на лыжах «за школу», «за район», потом «за город»... Короче, профессионально уже стала заморачиваться... И вот как-то на очередном школьном занятии она появилась с модными пластиковыми лыжами. За успехи на стезе, точнее лыжне, родаки раскошелились на невозможное... Лыжи произвели фурор. Все дотрагивались до них, как неандертальцы до пылающей головешки и замирали в восхищении, как туркмены в мавзолее перед Ильичом.

– Пластиковые... – восхищённо говорил дотронувшийся ещё не дотронувшемуся. И так по кругу...

Закончился этот день вполне предсказуемо: известный классный хулиган с гиканьем и улюлюканьем съехал на своих простых деревяшках, которым цена – шапка сухарей в базарный день, с маленькой горки и промчался аккурат по кончикам модных пластиковых лыж. Я никогда в жизни, ни до, ни после, не видел таких искренних девичьих слёз. Трагедии Шекспира – детский сад и порча бумаги. Настоящая драма, – это сломанные новые лыжи.

– Теперь форма... – это спортсмен вырвал меня из мира детства.

– Форма... – страдальчески согласился я.

– Так... – спортсмен помчался рысью мимо вешалок. – Это всё не то...

Я опять ушёл в воспоминания. Опять про детство, куда же без него... Дело было на даче. Через два садовых участка от нас жил дед Коля. Это был домашний тихий алкоголик, как охарактеризовал бы я его сейчас, с высоты прожитых лет и жизненного опыта. А тогда это был очень дружелюбный старикан, всегда готовый рассказать какую-нибудь поучительную историю из своей жизни. Среди прочего дед Коля был заядлым рыбаком. Но не банальным удочником, а настоящим «бывалым», в вопросе ловли предпочитающим

сеть. Утром он уходил на лесное озерцо и проверял пяток мерёж – небольших сеток, в которые заплывал от нехуй делать полоумный карась. Я карасей не любил, уж больно костистые засранцы, но для деда Коли этот аргумент не прокатывал. Он жарил их на постном масле, обваляв в муке, что позволяло полностью диверсифицировать свою пенсию на водку. Ход был одновременно гениален и прост, как и всё простое и гениальное.

Так вот, как-то мы, банда сопливых пацанов, увязались с ним на рыбалку. Дед Коля был рад и с охотой делился с нами секретами. Секреты эти заключались в следующем: мы подходили к берегу, дед Коля проникновенно смотрел в водную гладь и произносил:

– Тут карася нет...

И мы шли дальше в восторженном молчании, понимая, что этому человеку подвластно что-то из другого мира, что в нашем не имеет названия.

Вот и спортсмен сейчас чем-то напомнил мне это удивительное чувство собственной никчёмности. Причём, если в детстве никчёмным по отношению к деду Коле чувствовал себя я, то сейчас всё было наоборот.

– Может быть, внешняя форма не так важна? Это же не дефиле?

Спортсмен посмотрел на меня как на предателя.

– Да вы что! Там же будут люди, а они обращают внимание

на такие вещи.

– Мы ведь вроде на лыжах едем кататься? Люди-то тут причём?

Спортсмен задумался.

– Без зрителей спорт теряет соревновательную идею. Представь, что ты гладиатор, только не в Колизее, а в какой-нибудь комнате в хрущёвке, и ждёт тебя не почётная смерть от меча, а банальное отравление суррогатной водкой. И тогда, всё зазря!

Иногда ход его мыслей меня пугал. В данной ситуации произошло именно это.

Я напрягся. Получается, что во всём этом появился фактор соперничества. То есть, то, что мне совсем не нужно. Я предполагал, что просто съеду один раз с небольшого возвышения, по возможности не упав и оставшись целым и невредимым. И уж тем более, если мне доведётся пиздануться, хотелось бы, чтобы это произошло без свидетелей. По-домашнему, укромно и посконно, именно как в пресловутой хрущёвке. Чтобы в санитарный вертолёт меня грузили родные руки, а не случайно оказавшиеся поблизости зеваки, снимающие всё до кучи на свои смартфоны и выкладывающие мой позор в сеть.

– Раз всё так серьёзно, то конечно выбираем атрибутику согласно канонам, – кивнул я, важно сдвинув брови, как Ник Кейв.

– Вот и отлично! – просиял спортсмен и продолжил своё шаманство.

Далее я покорно мерил куртки и штаны, свитера и шапки. Время остановилось. Замерло, как замороженная в лёд рыбёшка, и никакой надежды на освобождение не было. Спортсмен подносил и подносил новые предметы, пока я всерьёз не заподозрил, что дело пахнет гомосятинкой. Ну сами посудите, два мужика носятся со шмотками как два... ну, вы поняли.

– Так! – я выскочил из примерочной, как ошпаренный. – Думаю достаточно. Берём вот это вот, и хватит.

Спортсмен засопел, но согласился.

Я посмотрел в потолок, туда, где по моим соображениям находился Бог, так внезапно прекративший мои мучения.

В несколько ходок мы перетащили всё барахло к кассе. Когда всё это было монетизировано, я испытал лёгкий шок.

– Как будете платить? – поинтересовалась продавщица.

– Люди приличные платят наличными... – буркнул я, доставая пачку денег.

Дома я молча поставил сумки с вещами посередине комнаты и связку с лыжами у дверного косяка.

– Налетайте.

Все с интересом подошли. Марина деловито раскрыла пакеты и стала выкладывать содержимое на стол. Каждая вещь сопровождалась бурными и продолжительными... нет, не ап-

лодисментами, это вам не XX съезд партии, а едкими и язвительными комментариями.

– Это что? Свитер? А что он такой тонкий? Это летний свитер? – кошка начинала первой.

– А почему нет оленей? Без оленей свитер тоже самое, что семейные трусы без цветочков, – собака развивала дальше, немного углубляясь в детали.

– Милый, ты в нём точно не замёрзнешь? – в принципе, по-человечески волновалась Марина, но после первых двух участников мне уже и это казалось скрытой издёвкой.

– Это новые материалы, пропитанные наночастицами, и сохраняющие тепло человеческого тела.

– А мы? – удивились кошка с собакой хором.

– Что, мы?

– Наше тепло кто будет сохранять?

– Так из вас же натурпродукт растёт! Вы самообеспеченные.

– То есть мир моды доступен не всем?

Я вытаращил глаза:

– Минутку... вам что нужно, тепло или это позёрство? Как над моим свитером без оленей смеяться, так вы – первые, но сами-то, сами! Вы же просто – два лицемера! Точнее мордомера!

– Мордомеры, это круто! – кивнула собака.

– Да... наш-то может ещё удивить этот мир! – поддакнула кошка.

– Марина, ты довольна своими вещами? – сменил я тему.

– Всё отлично. Я даже нахожу, что есть некоторая странность, что наш сосед владеет этим искусством.

Я хмыкнул, вспомнив о своих похожих мыслях.

– А это что такое?

Марина достала из пакета последний свёрток и продемонстрировала на вытянутых руках борцовское трико.

Я рыкнул, как тигр перед прыжком:

– Чтоб меня дикие собаки разорвали!

2

Сколько не оттягивай пиздец, он всё равно настигнет тебя как снайперская пуля. Ударит прямо в сердце и остановит все жизненные процессы в организме. Прибьёт как мухобойка, комара. Беспощадно, резко, не оставив никаких шансов на спасение. Потому что жизнь наша – это всего лишь погоня за статистическим счастьем, существующим только в опросах населения, которое по старинке итак всем довольно. Реальность эгоистичнее и примитивнее. Реальность похожа на вой волка в зимнем лесу. Полный безнадёжности и отчаяния, одинокий пронзительный крик в вечность. Волчья молитва, адресованная непонятному волчьему богу.

Так и мы, сцепив зубы, шепчем проклятия глядя туда, где должен быть тот, кто услышит. И сделает так, чтобы всё изменилось, чтобы не повторилось больше этого ебанариума...

Но никто не слышит наши вывернутые сердца. Всем настрять четыре кучи. Люди, полные затейных междометий и целлофановых мечтаний, окружают нас, как туча мошки на болоте. Ультразвуковой писк их крылышек держит в напряжении нервную систему. Кто ты, чтобы говорить от имени не то что двух, а хотя бы от имени себя одного? Твои мысли кому-то интересны? Не тешь себя тем, чего нет. Всё, что кажется гениальным, при критическом анализе становится похожим на кочергу. Даже такая вещь, как счастье, являет-

ся таковой только в рамках знания или незнания каких-то фактов. Если муж не знает, что ему изменяет жена, он вроде как счастлив. Но если это становится известным, отношения, планы, всё, что могло бы быть, разлетается как дым. Не остаётся ничего кроме злобы, взаимных обид, банальной мести. Всё становится таким, каким никто никогда этого не хочет, но к чему всё неизбежно стремится. Эта незатейливая хуета и называется жизнь. Как таковая, без прикрас, с упрёками, непониманием и ножами в спину.

Теперь понятно, почему люди бухают?

Я лежал в постели с открытыми глазами, и хотя будильник ещё не прозвонил, я уже проснулся. Думал вот всякое такое разное... неформатное... А, может и наоборот? Кто знает, как жизнь сложится? Сегодня банкуем, завтра кукуем с босым хуем... Марина спала, как это она любила, на животе без подушки. Я не удержался и поцеловал её в щёку. Даже не дёрнулась... Утренний сон у неё получался особенно крепким. Я посмотрел на часы – ещё двадцать минут ей оставалось пребывать в мире снов.

Сегодня был знаковый день – выезд с соседом на его ёбаный лыжный полигон. Дотянулся проклятый...

И тут слышу в дверь так тихонечко лапой скребут... Я осторожно, чтобы Марину не разбудить, вылез из своей штрафной кроватной зоны, натянул трусы и на цыпочках прокрался к выходу.

– Ну чего? – прошептал я в коридоре Собаке.

– Чего-чего... Я слышу, ты не спишь, вот и позвала тебя.

– Как это, ты слышишь? – я реально удивился.

– Я слышу, как ты моргаешь. Когда люди спят, они так часто не моргают.

Я озадачился. Нет, не тем, что во сне люди не моргают, а тем, что у этой бестии такой слух феноменальный.

– Так это что выходит... – я попытался построить вопросительную фразу, но Собака меня оборвала:

– Да! И, если что, у Кошки слух ещё лучше.

Пиздец, никакой личной жизни получается! Шоу какое-то ей богу! Это ж сколько всего они, бедолаги, слушают? Я бы точно не смог жить в таких человеческих условиях. Спалил бы нахуй хату и ушёл в лес к партизанам. Жил бы благородным разбоем и питательным подножным кормом. Окреп бы, возмужал...

– Ты чего подвис? – спросила Кошка.

Я отвлёкся от своих мечтаний про счастливое завтра:

– Так чего хотели?

– Мусор выкини.

– Сейчас? Вы ебанулись? Кто утром мусор выкидывает?

Тут надо сказать, что я совершенно наугад предположил, что утром мусор не выкидывают. Но учитывая тот энергетический посыл, с которым я эту мысль доносил, это могло сработать. Должна же в человеке присутствовать магия убеждения. Харизма, наконец...

Но, как и ожидалось стрелы мои, так заботливо заточенные, ушли мимо цели:

– Рыба в пакете! Сейчас уедем, и как всегда по запарке забудем про мусор. А вернёмся, может не завтра, а через день, а то и того позже... Знаю я эти романтические загулы... И пока вы будете пребывать в ощущении рая на земле тут стухнет вся эта чешуя с жабрами. Неужели надо объяснять такие бытовые тонкости? – Собака посмотрела на меня как на мелированного ёжика.

Я молча стал одеваться. Но не из-за того, что Собака была права. Она всегда и так права, а из-за того, что коли я уж всё равно проснулся, чтобы не ходить по квартире как лунатик, лучше начать утро с чего-то полезного.

Убрать планету, например...

– Холодно там? – спросил Кошку.

Она пожала плечами:

– Минус пятнадцать.

Я пошёл на кухню, зачем-то заглянул в мусорный пакет:

– А чего вы не доели? Тут рыбы, как у Хемингуэя в книжке и ещё половина Моби Дика!

– Вот ты и ешь это!

– Ладно...

Пошёл я короче... Спустился по лестнице, предвкушая, как выйду из парадного, вдохну полной грудью утренний холодный воздух... Получу позитивный заряд, нейтрализую негативный опыт... Да, что там говорить? Практически пе-

переродюсь заново. Отряхнусь, от старого мира, сброшу, как змея, тесную винтажную шкурку вчерашнего, и останусь в новой, блестящей на зависть всем, кольчуге нового дня, оберегающей мой хрупкий внутренний уклад, непробиваемой современными проблемами и устойчивой к дурному влиянию коварной тёмной стороны.

Приблизительно так я думал пока, перепрыгивая через ступеньки, спускался по лестнице. Действительность улыбнулась мне своим стандартным оскалом. Прямо перед дверями, на улице, стоял покачиваясь незнакомый алконавт с разбитой рожой. Видимо, ночь прошла у него под знаком противостояния со злом.

– Закурить есть? – спросил он меня.

Я отрицательно покачал головой.

– Ваще не прёт... – посетовал колдырь и не спеша побрёл в сторону рассвета.

Я постоял, посмотрел ему в след, и пошёл с мешком в противоположном направлении. Что-то было в этой встрече метафизическое. Как он сутуло удалялся, подволакивая ногу, а я шёл выбрасывать мусор и уже не было у меня никаких мыслей про позитивную настройку, про магию волшебного утра. Говорят, человек хозяин своей судьбы. Что бы мне на это сказал этот отмудоханный алкаш?

Когда я вернулся, Марина уже оккупировала ванную. До встречи с соседом оставалось ещё полтора часа – вагон вре-

мени, и я со спокойной душой уселся перед телеком.

– А ты чего не собираешься? – Собака была явно удивлена моим спокойствием.

– А что, пожар?

– Пожар – не пожар, но ты хотя бы чемодан дособрал, вещи проверил. Окажешься на лыжном склоне в неподобающей форме. Будем краснеть за тебя.

– Главное, чтобы вы своих блох не забыли.

– Между прочим, блохи не по нашей части...

– Ладно-ладно... Ещё уйма времени, куда спешить? Вещи, вон они лежат, – я махнул в сторону горы шмоток.

– Трико не забудь, – промурлыкала Кошка.

– Иди ты в жопу... – так же ласково отвечал я.

Без казусов, разумеется, не обошлось:

– Что с носками? – вдруг, за пять минут до выхода, озадачился я.

– А что с носками?

– Чё-то не могу найти...

– На ногах смотрел? – любезно помогла Кошка.

– Ещё где предложишь поискать?

– Возьми, где вчера поставил, – подсказала Собака.

– Марина! – крикнул я. – Принеси мне мясорубку, хочу выместить на некоторых личную неприязнь.

Марина, уже одетая, появилась в дверях. Критически осмотрела меня.

– Я сейчас сама на тебе всё вымещу. Лёша! Я одетая уже,

а ты как нерешительный нудист.

– Мудист он, – поправила Кошка.

– Да ещё и забывчивый, – добавила Собака.

– Понюхай лучше, куда я носки засунул, – примирительно попросил я Собаку, но в душе поклялся отомстить.

Собака лениво подошла к чемодану и положила лапу на прочный синтетический материал.

– Там всё лежит. Не помнишь, как вчера засунул?

Я помотал головой. Не помнил, разумеется. Да и как тут упомнишь всё это безобразие? Куда я что вчера засовывал...

В дверь призывно затрезвонили. Наш неугомонный друг был точен как кремлёвские куранты.

– Я открою, – Марина пошла к дверям.

Кошка с Собакой поджали морды.

– Ага! – я победно вскинул руки. – Молчите теперь, а то вместо лыж, будете первую помощь оказывать.

– От этого и там никто не застрахован, – философски заметила Собака.

Я показал ей кулак:

– Чтоб ни звука при спортсмене. Пожалейте парня.

– Меня бы кто так жалел... – начала Кошка, но осеклась, спортсмен уже ворвался в комнату.

– О! Привет! Уже готовы! Это замечательно! Что помочь отнести?

Я без малейшего стеснения кивнул на самый здоровый чемодан:

– Подключайтесь, если хотите, будем благодарны.

Чемодан был реально тяжеленный. Ботинки, три кило со-
сисок, ещё чего-то, что в голове не осело, но весило прилич-
но... Я вчера попытался его приподнять, чуть спину не со-
рвал.

Спортсмен дёрнул его как морковку из грядки:

– Разве это тяжёлый?

– Кому- как... – в который раз поразился я соседской си-
лице.

– Всё, я вниз, вы на лифте езжайте, а я по лестнице.

– Так тяжёлый ведь! Зачем по лестнице? – у меня в голове
не укладывалось это спортивное рвение.

– Зарядку пропустил сегодня с этими сборами, – пояснил
спортсмен. – Теперь надо нагонять.

И он умчался чуть ли не вприпрыжку.

– Во ебанутый... – только и мог я сказать, когда эхо от
топота, убегающего вниз, понеслось по лестнице, разумеется
с ним на перегонки.

– Увлечённый человек... Тебе бы поучиться, – пристыди-
ла меня Собака.

– Боюсь, тогда меня надолго не хватит.

– Невелика потеря...

Хорошо, запомню я и это...

Надо сказать, что пока я таскал все эти лыжи до маши-
ны, то запыхался. Сосед с женой уже давно сидели в своём

джипе, и я видел, как он неодобрительно смотрит на меня в зеркало заднего вида. Моя спортивная форма явно не соответствовала его представлениям о том, каким должен быть мужик.

– Да и хрен с тобой... – прошипел я сквозь зубы, застёгивая ремень безопасности.

Когда справился, помахал соседу рукой, давай мол, трогай...

Сосед показал большой палец и вырулил на дорогу.

Топил он, надо сказать, бодро. Я езжу помедленнее. Но чтобы не отстать приходилось выдерживать навязанный темп. Это немного напрягало, так как требовало от меня усиленного внимания. Марина читала новости в телефоне, Собака лениво листала книжку, Кошка разлеглась на задней полке и млела под солнечными лучами. На поворотах она немного отставляла лапу для контрфорса и недовольно махала хвостом.

– Куда так мчимся? – наконец не выдержала она.

– Ты это ему скажи, не мне, – я кивнул в сторону соседской машины, которая лихим слаломом уносила вперёд. – Дождался бы своих лыж, там бы и петлял...

– Такой он человек... – буркнула Марина.

– Нет, ну реально торопится как на последнюю в жизни тренировку! – не унимался я, вынужденный повторять идиотские манёвры.

– А вдруг он супергерой? – высказала предположение Со-

бака.

– Но я-то, не супергерой! Надо же и о других думать. Что за манеры равнять всех по себе.

– В случае с тобой как раз наоборот, он явно тебя по себе не равняет, а хочет подтянуть до своего уровня.

– Меня бы спросил для начала.

– Тебя бесполезно.

– Хорошо, что хоть ты это понимаешь.

– А если бы была возможность выбрать супергеройскую способность, – вдруг выдала Марина. – Кто бы что выбрал?

Повисла странная тишина.

– Марин, ты чё?

– А что, нам ещё долго ехать, давайте помечтаем?

– Не знаю... – я ловко проскочил перекрёсток на начавшийся желтый и помигал соседу фарами, чтобы не гнал так.

Сосед среагировал странно: опять показал большой палец и... прибавил скорость.

– Да что он там, совсем ополоумел?

– Гнать, кстати, не обязательно, – отрываясь от книги, заметила Собака. – Просто езжай, как тебе удобно, он вынужден будет ждать. Это же всё как раз ради того, чтобы нас вывезти и приобщить. Навяжи ему свои правила.

Я поразился такой простой мысли. И чего я сам до этого не додумался?

Я сбавил обороты, и соседский джип стал стремительно удаляться.

– Чего-то не похоже, чтобы он согласился.

– Погоди, – успокоила Собака. – До него ещё просто не дошло.

Собака оказалась права, через минуту я стал приближаться к соседу. Он о чём-то спорил с женой, было видно, как он яростно жестикулирует, что-то эмоционально рассказывая своей второй половинке.

– О чём это он ей?

– Рассказывает, что сейчас из-за пяти минут не успеем на подъёмник, или в сауне халатов не хватит, или ещё чего-нибудь в подобном стиле.

– С чего ты решила?

– Обычная реакция таких людей. Ими управляет скрытая неуверенность, поэтому надо во всём оказаться первым, чтобы не было возможности чего-то доказывать.

– Да ну... Этого хлебом не корми, дай посоревноваться...

– Так потому и соревнуется! Лучше выиграть одну большую битву и сразу получить левелап, чем иметь возможность обосраться в десяти маленьких и морально обстрадаться.

– Что за книга там у тебя? – я подозрительно покосился на Собаку.

– «Психология спортивных состязаний»...

– Так как насчёт суперспособностей? – опять предложила Марина. – Кто начнёт?

– Я могу, – Собака закрыла книгу. – Я бы хотела внушать

мысли.

– Кому? – удивился я. – Ты и так вроде можешь управлять людьми почище светофора.

– Это не совсем то. Я бы хотела именно внушать. Например, подумаю, что хорошо бы на ужин ягнятинки, и ты уже в магазин бежишь...

– Но-но... Оставь мне оазис свободы выбора.

Марина улыбнулась:

– А что, неплохая идея. Я бы тоже не отказалась.

– А ты бы что внушала?

– Всё тебе скажи... – и она засмеялась.

– Кто ещё желает высказаться по теме?

– погоди, – Марина перестала смеяться. – Я ещё не договорила.

– У нас тут что, цветик-семицветик? Одно желание в руки, как при сухом законе.

– Не, у меня другое желание есть. Я бы хотела, чтобы люди друг другу врать перестали.

– Ну тыхватила... – я присвистнул. – Как же они тогда смогут строить своё маленькое счастье? Весь смысл жизни – это эксплуатация человека человеком. Марксизм!

– Вот что ты несёшь? – Марина даже немного разозлилась. – Ты ведь понимаешь о чём я.

– Нет, я-то понимаю, конечно, но ведь это утопия.

– Такая же между прочим, как марксизм, – заметила Собака.

– Дарвинизм по-твоему тоже утопия? – выложил я свой козырь.

– Дарвинизм научная теория, прекрасно объясняющая образование видов и многообразие животного мира.

– Но ведь в нём тоже всё построено на конкуренции.

– Дарвинизм работает, как способ приспособления к условиям окружающей среды. А поскольку люди, это организмы, способные осознанно эту среду менять, то и спрос с них другой.

– По-твоему выходит, что человеческая эволюция невозможна?

Собака просунула морду между передними креслами и строго посмотрела на меня:

– Ты глупости говоришь. Эволюция – бесконечный процесс, только в отношении людей уже работает согласно новым вводным.

– Это каким, например?

– У людей появился разум, соответственно следующие этапы эволюции будут всё больше зависеть от умения этот разум использовать.

– Поясни идиоту.

– Поясню... Вот если изобретут прибор обмена мыслями, тогда ложь станет невозможной, и общество эволюционирует до более человеческой формы.

– Натянута как-то... Хотя зерно есть.

– А чего споришь тогда?

– Истину хочу узреть...

– Непроузри поворот для начала, – вякнула Кошка.

– Вот кого спросить забыли! А ты, кстати, чего отмалчиваешься? Есть идеи по прокачке способностей?

– Изволь. Хочу проходить сквозь стены.

– Ты и так везде пролезешь!

– Это всё не то. Хочу менять квантовое состояние.

Я хмыкнул. Нет, я, конечно, знал, что в нашем семействе я самый обычный, но чтобы настолько...

– А ты? Какие выберешь возможности?

Все смотрели на меня, как на клоуна в цирке.

– Я бы хотел, чтобы по моему велению по моему хотению все молчали.

– Вот и поговорили, – резюмировала Кошка.

Я прибавил приёмник, и какое-то время мы ехали под ужасающий репертуар радиостанции с ещё более страшным названием. Марина взмолилась первой:

– Переключи, ради бога. Невозможно же это в здравом уме слушать!

– Поищи сама, что понравится.

Марина принялась нажимать кнопки.

– А знаете, – вдруг вспомнил я. – Первые магнитофоны с радио для автомашин у нас называли «цифровики»!

– Так они же ещё на кассетах были, аналоговые? – удивилась Собака.

– Ага, а «цифровиками» их называли, потому что на дис-

плее циферки горели. Вот блин, какая лажа бывает...

Спортсмен принялся сигналить, как сумасшедший. Похоже было, что мы подъезжали...

Надо сказать, что с точки зрения организации сосед оказался на высоте. Встретили нас чуть-ли не как представитель компартии. Только что комсомолок не было, и почётного караула. Но несмотря на их отсутствие, видно было, что у спортсмена тут всё схвачено. Да и он лишний раз всячески это обозначал дежурными фразами. Например, охраннику он не преминул напомнить, что лично знаком с хозяином, у девушки за стойкой приёма посетителей поинтересовался свободен ли «его» номер. А когда за животных попытались взять внеплановую мзду, позвонил кому-то, дико тараща при этом глаза, и тут же проблема растворилась в морозном воздухе.

Апартаменты и вправду оказались неплохие. Из окна открывался вид на склон холма, по которому проезжали любители зимних забав кто на чём, от лыж до ватрушек, в стиле Брейгелевских «Охотников на снегу». Вдалеке виднелась кромка хвойного леса, тоже наверняка в чьём-нибудь стиле. Типичный русский зимний пейзаж, развивающий национальную склонность к горячительным напиткам.

Я заглянул в мини бар. Полный порядок...

– Позволишь? – спросил Марину.

– Мне мартини тоже налей немножко. Только смотри, немного!

– Я буду «очень точен»!

Взял два стакана. Налил Марине... Себе плеснул виски. Мы стояли у окна, глядя на зимнюю красоту.

Марина прижалась губами к моему уху:

– Давай останемся на три дня?

– Давай...

Кошка запрыгнула рядом на подоконник:

– Хорошо, что я сказала мусор выкинуть.

Некоторым дана суперсила низвергнуть любую романтику...

3

– Кто на завтрак? – я уже разложил содержимое чемоданов по полкам в шкафу.

– Я! – Марина откликнулась первой.

– Я тоже, – Собака – второй.

– А ты? – я посмотрел на Кошку, разлёгшуюся на подоконнике. – Ты пропустишь праздник?

– Идите. Я спать хочу. Укачало меня в дороге.

И она осталась балдеть в лучах зимнего солнца.

Спортсмен хотел прямо с дороги броситься покорять лыжный склон. Романтик, бля... Было в нём всё-таки что-то от неуправляемой ракеты. Или от неандертальца. Силы дохуя, а в головной части только «морская смесь»... Цель выбрал, и пошёл к ней по параболической траектории, невзирая на метеорологическую обстановку. Хотя, конечно, кто-то назвал бы это целеустремленностью...

Когда наша животное-человеческая грядка неторопливо спустилась на лёгкий завтрак, нас уже ждал этот человек-пружина. Собранный, как сказал бы Маяковский, в миллионопалый кулак, а учитывая близость его интеллекта к братьям нашим меньшим – миллионопалый. Натурально одетый во всё полагающееся и с лыжами на плече, как солдат почётного караула. Я остановился и тяжело вздохнул. С ним

жить – вагоны разгружать. Жена у него святая...

Но тут, хвала Одину, даже она рискнула остановить решительного парня. Мы застали уже окончание беседы:

– Но люди наверняка устали, голодные с дороги, надо поесть, а потом с набитыми животами куда на лыжи? Даже врачи против! – это его жена втирала ему слова в лысую голову.

Когда она это говорила, как будто нимб божественный над ней светился, как отсвет от часов патриарха на лицах пастырей...

– А вот и будущие чемпионы! – приветствовал наше появление сосед.

– Скорее инвалиды, – мрачно пошутил я.

– Так, – сосед нахмурился. – Вот этого не надо. Не хватало ещё нам вывихов и растяжений.

– Оптимист, – буркнул я так, чтобы слышали только Марина и Собака.

Собака осторожно подмигнула.

Сосед тем временем осознал важность правильного питания:

– Тогда я предлагаю – лёгкий перекус и сразу за дело!

– В сауну? – робко предложил я.

– Это вечером! А сейчас вот это! – сосед потряс у меня перед лицом связкой лыж.

– Сначала перекус, – напомнил я и на всякий случай отошёл на полшага. Ещё пизданёт по голове, а у меня ни шлема, ни даже ебанистической лыжной шапочки...

– Завтрак – дело святое, – согласился сосед.

Не, есть в нём добро. Где-то глубоко внутри есть. От осознания этого факта конечно скорее страшно, но ведь как-то общаются с ним люди? И просто случайные, типа меня, и друзья-коллеги по всей этой спортивной мафии. Пусть они странные, не блещущие знаниями, не понятые обществом, но ведь если бы не они, не было бы у нас гордости от побед и слёз счастья на лицах? Не охала бы в едином порыве многомиллионная страна перед голубыми экранами от переживаний. Нихуя бы не было у нас! Хотя у нас и так нихуя нет...

– С Собакой можно в столовую? – спросил я милую девушку из персонала, пока Марина с женой соседа вели непринуждённый светский разговор о преимуществах натуральной косметики над ненатуральной.

Девушка покосилась на нашего друга, который истово осматривал лыжное крепление.

– Вам можно...

– Мне, понятно... Собаке можно?

– Ой... Вам обоим можно.

Я кивнул Собаке:

– Всё путём. Скажи тёте спасибо.

Собака прищурилась, как снайпер перед выстрелом, и помахала правой лапой в воздухе.

– Ой, как мило... – запричитала девушка.

– Так, пошли быстрее отсюда...

И мы рванули занимать лучшие места. Точнее рванул я,

Собака с достоинством трусила рядом. Есть у меня такая социалистическая привычка. Знаю... Борюсь... Но иногда церковно-приходская нет-нет да и вылезет из-под костюма... Был у меня такой знакомый, шеф солидной конторы, косивший под постсоциалистического аристократа, а когда кто-то из сотрудников увольнялся, заебавшись от периодических управленческих заёбов, звонил на новое место работы и срал на человека почище пресловутой полковой лошади. Оказался обычным мелочным говноедом...

– Где сядем? У окна?

– Что за вопрос... – процедила Собака сквозь зубы. – Конечно у окна. Жаль, что не лето, на террасе бы сели...

– Ага, жаль... И лыж бы этих не было...

Мы сели в уголок с видом на кусок склона. Воткнули в пейзаж. Как раз прямо на наших глазах пизданулся какой-то горе-лыжник.

Мы с Собакой посмотрели друг на друга. Вздохнули...

– Меню, пожалуйста...

Девушка-официантка, вся в веснушках и с копной рыжих волос, положила передо мной толстую книжку в кожаном переплёте. Вылитая Пеппи. Я автоматически посмотрел на длину чулок. Увы, обычные джинсы...

– Собаке тоже принесите.

– Меню? – удивилась официантка.

– Конечно, она ведь тоже хочет выбрать. – Я посмотрел на Собаку. – Нести тебе меню?

Собака кивнула.

– Ой! – девушка от восторга прижала ладони к щекам. – Какая умная! А можно погладить?

– У вас тут общепит. Не рекомендую. Увидит санэпидемстанция, оплетёт всё жёлтой лентой.

– Нас не могут закрыть, у нас сам министр спорта оста-навливается.

Я невольно засмеялся.

– Это которого за допинг во все щели не по спортивному принципу? Ну-ну...

– Так ведь тут у нас не там, – вернула меня в реалии официантка.

Вот как всё с ног на голову перевёрнуто. Хотя ведь я первый начал, припёрся в ресторан с собакой... Так что сам му-дак...

– Ну, раз у вас сам министр харчуетя, тогда конечно вам можно трогать что угодно.

Собака покорно наклонила морду. Это тебе месть, – подумал я, – за всё обещанное...

Нагладившись вдоволь, счастливое рыжеволосое создание убежало. Я так и не понял, принесёт она ещё одно меню или нет? Хотя, учитывая близость к данному заведению министра спорта, всё возможно... Вдруг это заразно почище дизентерии?

– А, вот вы где уселись! – услышал я громогласный возглас над головой.

Это подтянулась вся наша лыжная шатия во главе с предводителем.

– Мне сказали, сам министр сюда заходит! – я понизил голос для доверительной солидности, хотя, разумеется, мне этот министр был похуй совершенно.

Но спортсмен серьёзно кивнул:

– Бывает. Сам видел. – И тоже понизив голос, добавил: – Встречались...

Пока все рассаживались, подошла официантка – принесла меню.

– Видите, пригодились ещё ваши книжки, – пошутил я.

Она засмеялась в ответ и замерла, ожидая, кто ещё чего скажет.

– Виски ведь есть у вас? – спросил я, чтобы она не стояла так обречённо.

– Валера, а ты будешь виски? – спросила у спортсмена его блондинистая жена.

Ва-ле-ра! Его зовут Валера! – молнией пронеслось в моей голове. Я только сейчас понял, что этот накаченный до разрыва коры на баобабе человек носит такое имя.

– Валер, – сразу атаковал я. – Махнём по полста? Для аперитива?

Валера покосился на жену:

– Юля, ты будешь что-нибудь для... – тут спортсмен замедлил речь, – аперитива?

– Мариша, что ты будешь? – защebetала Юля, глядя на

Марину.

Мне эта словесная переборка напомнила движение шаров в бильярде.

А в голове разорвалась вторая бомба – Ю-ля... Её зовут Юля!

Пиздец какой... Просто день знаний! Представляю, что чувствовал Галилей, когда открыл четыре спутника Юпитера... Хотя вряд ли он после этого поехал добровольно падать мордой в снег.

Тем временем беседа за столом развивалась, стремительно снося стоявшие ранее плотины. Могучим потоком были сметены все условности, ибо Юля назвала Марину Маришей, что в моём мире равнялось как минимум погружением Австралии на дно океана со всеми редкими утконосами, одним данди-крокодиллом и бессчётным количеством серферов.

– Я минералки выпью, – Марина одним глазом строго стрельнула в мою сторону.

Я парень умный, намёки понимаю с полуслова...

– Девушка, тогда мне пивка бокальчик, какого-нибудь лёгонького.

– Безалкогольное есть.

– Мне не есть, мне пить...

Девушка стала немного теряться, но тут вступил Валера. Как дредноут в узком проливе, он сразу же приковал всеобщее внимание:

– А мне тогда сок принесите ананасовый, он полезен для

сжигания жира.

Блондинка-Юля замерла, как мышь перед котом. Я смотрел на неё и ждал: решится – не решится?

– А мне белого вина.

Я мысленно восхитился этой женщиной ещё раз. Валера поджал губы, но промолчал. Явно такой выбор нарушал его представление о дружной и спортивной семье. Юля тем временем выбрала какое-то вульгарное полусухое. Я осторожно приоткрыл меню и опустил его под стол, чтобы Собака смогла ознакомиться. Хорошо хоть Кошка не пошла с нами... Но ей всё равно придётся зацепить что-нибудь с домашней кухни.

– Печёнка есть у вас сырая?

И видя, как округлились глаза у девушки, я пояснил:

– Не для меня...

Девушка обвела глазами стол и почему-то остановилась на Валере.

– И не для него. Для собаки...

– Я поняла... – заулыбалась официантка. – Я спрошу на кухне.

– Спасибо. И каши мне принесите рисовой с двумя котлетами. Это всё.

– А пиво будете?

– Чай чёрный, самый простой...

Собака под столом застучала лапой мне по коленке.

Я подмигнул девушке и нагнулся:

– Предлагаю тебе двинуть на кухню, там определишься, – тихо прошептал я.

Собака одобрительно кивнула.

– Про Кошку не забудь.

– И возвращаясь к официантке: – Собака с вами может сходить? Она обещала, что будет хорошо себя вести.

Девушка засмеялась:

– Хорошо! Как здорово, что она у вас такая!

Да уж, неплохо.

Дальше я откинулся на диванчик и смотрел, как Марина что-то говорила по заказу, как Юля тоже определилась с едой, как спортсмен долго перечислял свой завтрак чемпио-на... Всё это на секунду показалось мне чем-то уже случившимся в моей жизни. Тот самый пресловутый эффект дежавю. Кажется, что всё это существует вечно. Повторяясь и повторяясь...

– Юля говорит, что ей сразу показалось, что ты хороший человек.

Вдруг я понял, что совсем ушёл в свои мысли о вечном, и Марина толкает меня в бок.

– Кто? Я?

Хорошо, что не пил в этот момент, иначе бы поперхнулся.

– Да, надо сказать, что с соседями нам повезло, – это Валера поддакивать стал. – У нас на прошлой квартире совсем люди неспортивные были, я уж их и так и этак пытался приобщить – ни в какую!

– И долго вы их... обрабатывали?

– Лет пять... – сосед закатил глаза в счастливые воспоминания.

Бедные люди, он же их натурально на веки вечные отвратил не то что от лыж, от футбола по телевизору!

– Стойкие товарищи попались, – согласился я.

– Нет, не стойкие, они съехали потом, и вместо них совсем уж неудачные соседи оказались. Молодая пара, на уме одни вечеринки.

– Так вот, кто вас выжил! Вот, против вас какое оружие! – предательски оживился я, да с таким энтузиазмом, что даже Марина на меня посмотрела, выпучив глаза.

Но, слава богу, спортсмен пропустил это мимо ушей.

– Нет. Мы решили район из-за экологии поменять.

Я кивнул. Экология дело важное, особенно если на алтаре физическое развитие.

По залу к нашему столику рысью промчалась Собака. Как-то излишне быстро, учитывая, что кухня для неё – это место, из которого ни один добропорядочный пёс просто так не сбежит. Она юркнула под стол и застучала мне по ботинку. Три длинных три коротких.

Где-то грядёт пиздец...

Я встал:

– Прошу прощения, пойду узнаю, что там так её напугало.

И пока никто не успел ничего понять, быстро рванул к выходу, сооротив Марине выразительную гримасу. Собака по-

трусил за мной.

Мы выскочили на улицу. Падал прекрасный романтический снежок, люди румяные и счастливые носили мимо нас чемоданы и орудия пыток. Палки, там... Лыжи...

– Что стряслось?

– Дядя Вова здесь, – не особо палясь, сразу выдала Собака.

– Вован? Здесь? Точно?

– Ты с экспертом по разведке вообще-то говоришь.

– Это да...

– Давно?

– Минут десять приехал. Но их целая шобла привалила. Похоже, тимбилдинг. Сейчас в номерах располагаются, хорошо не в нашем крыле.

Я почесал затылок. Ситуация могла перерасти в неконтролируемую.

– Видимо, надо срочно менять дислокацию и вставить на лыжи.

Собака мрачно кивнула:

– Дядя Вова, если примет лишнего, спалит нас перед соседом со всеми потрохами.

– Вот и я о том... Берём ситуацию под контроль. Я сейчас быстро сворачиваю наш завтрак, а ты дуй к Кошке. Дверь откроешь сама?

Собака только хмыкнула. И вовремя, мимо нас как раз проходила весёлая компания.

Я набрал Марине в телефоне разъяснительное сообщение в мессенджере, для прикрытия отступления, потом вернулся за стол.

– Предлагаю не рассусоливать, сейчас быстро поклоюм, как воробушки, и в бой.

Даже сосед, и тот заподозрил неладное. Уж больно неестественно быстро захотел я туда, где холод, соревновательный дух и травмы различной степени тяжести.

– Я готова, – просто сказала Марина, и я в который раз понял, почему мы вместе.

– Спасибо, милая...

Юля немного расстроилась, явно, пафосные посиделки в компании были её тайным желанием.

Я сел и начал быстро есть всё подряд. Валера не смог не включиться в такое соревнование и, несмотря на то, что еды у него было раза в два больше, победил с отрывом.

Я махнул официантке. Расплатился, невзирая на соседские протесты. Потом встал:

– Через десять минут у входа в полной боевой готовности.

Мы с Мариной ушли, оставив парочку в полнейшем недоумении.

– Они про нас подумают, что мы совсем на голову сдвинутые, – тихо заметила Марина.

– Так, а мы такие и есть...

В номере уже заканчивалось оперативное совещание.

– Каков план действий?

Собака пожала плечами:

– Если дядя Вова доберётся до лыж, то выбираем противоположные склоны, съезды...

– Есть трудность... – перебила Кошка. – Тут один подъёмник. У него запросто можно встретиться.

– Может, сломать его... – ляпнул я.

– Кстати, идея. Нас с Кошкой не заподозрят, а вы для алиби можете хоть в сауне спрятаться.

– А как ты сломаешь подъёмник? Это же инженерно-техническое сооружение. Тут динамит нужен.

– Глобально мыслишь, но можно и потоньше сработать – закоротить движки и дело в шляпе.

– Ты разбираешься в этом? – я посмотрел на Собаку.

Та посмотрела на Кошку.

– Нет, а я что? Я в электричестве не разбираюсь... – Кошка замахала лапами.

– Так, – я решил вернуть всех с небес. – Предлагаю такой кардинальный метод оставить как план Д.

– Не Б?

– Д, Б, какая разница? Вы что, всерьёз хотите наебнуть тут всё? Вы понимаете, что это будет полный ахтунг. А если ещё и поймают вас?

– Кто нас поймает? Кому в голову взбредёт, что мы можем повернуть такую диверсию?

– Хорошо, – я сдался. – Положим, вы вне подозрений, но как ты собираешься коротить? Чем? Телом своим, как Мат-

росов?

Собака опять посмотрела на Кошку.

– Нет, а я что? – кошка опять замахала лапами. – Вы ебались совсем?

– Значит никто ничего не коротит и не выводит из строя. Это ясно? Мы просто катаемся там, где катаемся, и не встречаемся с тем, с кем не встречаемся.

– Прекрасный план.

– Самое простое – самое верное. И нехер разводить кисель. Сейчас одеваемся и торчим на этой ёбаной горе, пока ноги не начнут подкашиваться, потом спать, потом домой. И всё пройдёт спокойно, без нервов.

– Это ты себя успокаиваешь или нас настраиваешь? – улыбнулась Марина.

– И то, и то... И где тут мой замечательный костюм, еби его в сроку мать...

На встречу мы почти не опоздали. Собака с Кошкой сразу заняли позицию за углом. Скрытно и незаметно, как замаскированный в лесу, ракетный комплекс. За себя я был спокоен. Вид мой был настолько идиотский, что узнать меня было невозможно, тем более, Вован знал мою любовь к зимним видам спорта и предположить, что я окажусь тут, не мог ни при каких обстоятельствах. Теоретически его мог узнать Валера, но это уже было из разряда банальной невезухи, а таких людей, как я, она обходит стороной.

Слава богу, у Валеры хватило ума начать с самого пологого склона. Это который для детей и новичков. Ну, для таких, как я.

Очереди не было, подъёмник довёз нас до вершины. Мне попытались сделать замечание, что мол, нельзя собак и кошек, и всё такое... Но Валера показал какую-то красную книжечку, и больше никто никаких глупостей не спрашивал. А Собака с Кошкой всё равно двинули своим ходом. Было видно, как они уныло брели вниз. Два дефиса на бесконечно белой странице.

Первый раз я съехал вполне сносно. Не быстро и раза три почти не упал. Марина лихо просвистела мимо с соседями наперегонки. Надо сказать, что я даже загордился, что у меня такая спортивная жена. Мохначи бегали в снегу на вершине. Там оказался ещё чей-то пудель, тоже, видимо, со специальной аккредитацией, и им втроём явно было о чём друг другу рассказать. Поднявшись на гору второй раз, я доковылял до Собаки.

– Как знакомый?

– Вполне адекватный, тупой правда, как все пудели, но выбирать не приходится.

– Это расизм какой-то у тебя.

– Это данность...

– Посматривайте за потенциальными угрозами.

– За дядей Вовой, что ли?

– Ага, за ним.

И я поехал вниз. На этот раз позволил себе немного с ветерком. Длилась эта авантюра недолго, буквально на первой кочке я наебнулся. Но это было даже полезно. Пыл от головокружительных успехов необходимо охлаждать. В жизни профессионала есть три стадии: сначала он никуды не умеет и всего боится, потом, чего-то умеет и никуды не боится и, наконец, когда умеет всё и помнит, что надо бояться.

Я поднялся, чертыхаясь, утёр рожу. И осторожно поскользил дальше.

– Берегись! – проорал пролетающий мимо Валера.

Он шёл по склону, как стенобитное орудие навстречу воротам осажденного замка. Если он так в кого-нибудь въебётся, то в мире появится бессчётное количество новых элементарных частиц и северное сияние.

Подъехала Марина, эффектно затормозив с фонтаном снега.

– Мы на другой спуск, ты с нами?

– Да господь с тобой! Мне и тут неплохо. Ты, главное, поглядывай, чтобы случайных встреч не было.

– А ты следи за зоопарком!

И она помчалась дальше. Красивая, раскрасневшаяся от холодного воздуха и ветра. Сама как ветер... Я смотрел, как удалялась её фигура... Есть на свете вещи, описать которые словами невозможно. Это надо оказаться на заснеженной горе, чтобы рядом были родные люди, и видеть, как они счастливы и беззаботны. И запомнить эти мгновения на всю

жизнь, неважно сколь долгой она окажется, и какие повороты ещё припасёт.

– Мы тоже хотим, – вынырнула передо мной из снега Кошка, как нерпа на Ладоге.

– Чего хотите?

– Прокатиться с ветерком.

– Как?

– Посади нас в ватрушку.

Я подумал:

– С пуделем?

– Нет, он – не боец.

– А вы прямо бойцы!

– Мы адекватно реагируем.

– Сейчас попробую что-нибудь придумать...

Все наши проблемы идут от доброты. Лучшее – враг хорошего. Но знать и уметь – вещи такие разные, что волосы на жопе начинаешь рвать только тогда, когда и рвать-то их уже бесполезно.

Приволок я им эту ватрушку, как вы поняли. Прицелил так, чтобы ни в кого не въехали, и отправил вниз по склону. Что могу сказать – наводчик я хуёвый, ещё с армии. Это я почувствовал, как только снаряд набрал ход, и отчётливо обозначилась, как говорят лётчики, «вероятность опасного сближения», а если по военно-морской терминологии, то «навал».

Надо ли говорить, что вся пушистая грядка воткнулась прямёхонько в Вована, который только появился на горизонте, и с криком «ёб твою мать!» все они помчались дальше, оставляя меня с ощущением чего-то тревожного.

4

Есть много способов взять ситуацию под контроль. Во-первых, нужно сразу выяснить, есть ли пострадавшие и какова степень увечий. Потом нужно понять, были ли свидетели и есть ли возможность разругать всё по-тихому. А дальше либо договориться, либо сделать так, чтобы договариваться было не с кем. И в любом случае – никакой паники, только холодная голова и логическое мышление. Но это красивая теория. В моей ситуации выполнить такие простые шаги было невозможно. Я прекрасно понимал, что если кто-то и притягивает всякую хуйню как магнит, то вот он, пожалуй-ста, летит вниз по горе на лыжах за кучей-малой из Вована, неудавшихся бобслеистов и отборного русского мата. И всё это на глазах у замершего, как в немом кино, горнолыжного курорта.

Нахуя я посадил их в эту ёбаную ватрушку? Что я хотел получить на выходе? Мешок положительных эмоций? Надо было обесточивать всё к хуям...

Когда я догнал остановившийся ком, то единственным способом затормозить оставалось только – спикировать в сугроб рядом, как клёст с ветки. Лыжи отстрелились в пространство, как отработанные ступени баллистической ракеты, возможно даже сгорели в плотных слоях. Чем ещё объяснить вспышку света у меня в глазах?

Я вскочил на ноги и бросился к пострадавшим.

– Вован, ты как?

Вован сидел, ошалело вращая головой:

– Лёха? Ты откуда здесь?

– Дядя Вова, всё нормально, свои! – пищала откуда-то из-под снега Кошка.

– А вы? Вы откуда? – Вован всё ещё не врубался.

– Откуда, откуда... От снежного верблюда!

Я стал хлопать Вована по рукам и ногам:

– Нигде не болит? Всё на месте?

Вован, наконец, понял, что перед ним я, а мои окаянные скачут вокруг, как мангусты перед коброй.

Вовка встал, покачиваясь, сделал несколько шагов вверх по склону.

– Лыжам-пизда, – сориентировался он.

– Лыжи – хуйня, главное, что не сломано ничего.

– Как я вас-то не зашиб?

– Дядя Вова, это мы тебя чуть не уработали, – стала извиняться Собака.

– Да ладно, живы и заебись...

– Лыжи мои бери, – начал было я, не зная, где они, мои лыжи... Но Вовка остановил меня жестом:

– Забей ты на них. Привязанное к ногам говно, отвязавшись, быть таковым не перестаёт... Бывших жён это тоже касается...

Потом осмотрел меня критически с головы до ног и при-

нялся хохотать:

– Ну ты блин и вырядился, господи Иисусе! Я бы тебя ни в жись не узнал!

– На это и была ставка, – мрачно заметила Собака.

– Вы откуда здесь?

– Сосед наш, змей, соблазнил райскими яблоками... – сплюнул я.

– А, этот, спортивно-дефективный! Нормальный мужик, значит. Владеет силой убеждения, если такого шатуна, как ты, смог выкорчевать из берлоги.

– В оправдание хочу заметить, что до того момента, как мы устроили ДТП, всё было вполне красиво.

– А чья идея была отправить зверей в космос? А? Белки-Стрелки?

Мы втроём потупили взор. Стоим, сопим... Собака постаралась осторожно свернуть этот щекотливый момент:

– Кстати, дядя Вова, нам надо как-то дальше делать вид, что мы вроде как не говорящие, и для этого тебе надо как-то с нами сегодня не разговаривать.

– Или не провоцировать, – поправила Кошка.

И тут, как гром среди ясного неба, раздался голос Марины у нас за спинами:

– Да поздно уже.

Я обернулся, ожидая самоё хуёвое, и не ошибся. Марина стояла, опершись на палки, рядом стояли палки, опершиеся на Валеру.

– Всё нормально... – начал я. – Это от избытка кислорода... да...

Но Валера только головой качал из стороны в сторону.

– Я знал... Я знал... Я знал... – повторял он как во сне.

– Давно стоите? – спросил я Марину.

– Достаточно...

Собака подбежала к Валере:

– Давай, приходи в себя. Вспомни годы тренировок и лица поверженных врагов. Соберись, а то стоишь как слоновья грыжа...

– Я к психологу ходил полгода! – вдруг заорал он.

Мы все аж отпрянули. Видно сразу стало, что хуёвые у нас психологи. Не учат людей грудью встречать трудности и бросать вызов обстоятельствам.

Вова закашлялся:

– Вы уж простите, товарищ сосед, что я вас тут спортивнодефективным назвал...

Но спортсмен всё ещё был в своём удивительном мире открытия Колумбом Америки.

– Всё... – я решил сворачивать эту образовательную программу.

– Ага, к тому же мы синие, как смурфики, шестой час уже закаляемся.

– Двигаем, – продолжил я прерванную Кошкой фразу. – Вова, ты с нами?

– У меня коллеги где-то тут носятся, они все – пробитые

лыжники. Мне надо их найти, поприсутствовать... Ещё не хватало, чтобы они нагрянули.

– Давай тогда потом к нам приходи. На курс реабилитации.

– Лыжи пойдёшь искать? – спросил Вован.

– Ну их на хуй. Пусть сами катаются, налегке.

И мы потянулись как альпинисты в дружной связке в сторону базы. Я для солидарности пошёл рядом с Валерой. Парень-то он – не плохой в принципе, нельзя бросать таких.

Юля, догнала нас:

– Уходим?

– Да, – ответил я за всех. – Накатались.

– А где ваши лыжи?

– Пожертвовал будущим чемпионам.

– Валера, а ты что такой угрюмый? – Юля не успокаивалась.

– Полгода! Пол ебучих года! – бормотал он в ответ, как мантру.

Так, в смешанных чувствах, мы дошли до отеля.

– Я предлагаю сейчас всем помыться, согреться, переварить информацию, а потом всем колхозом посидим за салатом оливье, обсудим посевную... Или уборочную... Не знаю как вы, а я аппетит нагулял и съел бы чего-нибудь.

Сосед кивнул:

– Через три часа внизу. Столик я выберу. Самый дальний.

Я улыбнулся:

– Вот и отлично. А пока, спасибо за прекрасный отдых, если бы не настойчивость ваша, не видать нам такого отличного времяпровождения.

– Ой да... Да... – зашебетала было Юля, но сосед просто подхватил её под локоть и унёс.

– Что делать будем? – спросила Марина, когда они скрылись из виду.

Я посмотрел на Собаку.

– А я что?!

– Пойдём, – махнул я рукой.

Сидя на широкой кровати и снимая с себя, как с луковицы, различные тёплые одежды, я вдруг подумал, что ничего в этом мире не случается напрасно. Даже вот такое голимое палево. Есть наверняка тайный смысл, возможно даже миссия, правда пока не выполнимая.

– Погорели мы ни за грош, – Собака села рядом.

Я потрепал её за морду:

– Всё вы, любители зимних забав!

– Мы просто жертвы... – попыталась выложить бесприорышную карту Кошка.

– Ты-то помолчи! Жертва! Ты птичек живьём жрёшь! Ещё апартеид, блядь, приплети сюда...

– Они, между прочим, провоцируют мои инстинкты. В смысле птички...

– А катание с горки что у тебя спровоцировало?

– Я же говорила, нужно было рубильник сломать...

Марина вышла из душа, завёрнутая в три полотенца.

– Чего делите?

– Делим медаль за скоростной спуск.

– И кто на пьедестале?

– Я за тройкой, а эти, – я кивнул на животных. – Эти в призёрах... Бьорндалены, ебучие...

– У нас главное не победа, а участие... – философски поправила Собака.

– Дёрнул же черт Вована совмещать приятное с полезным.

Марина присела рядом. Так мы и сидели в ряд. Марина, я, Собака и Кошка. Каждый смотрел в пол и думал о сокровенном. Думал о соседе.

Собака первая нарушила молчание:

– Потому что нечего совмещать работу и отдых. Отдых совместим только с творчеством, который хоть и является в некотором роде работой, всё равно таковой на сто процентов не является. Остальное – дым-туман.

– А работать кому? – Кошка почесала за ухом. – Кто будет косить, доить, консервировать?

– Работать роботам. Люди – венцы творения, пускай ебашатся на лыжах друг об дружку до бозонов Хиггса. Это их путь саморазвития. Оставьте уже все эти материальные частности автоматам.

– Вы тоже головами ударились? – я посмотрел на них со всей строгостью венца творения.

– Отстань ты от них, – вступилась Марина. – И так живут,

как в тюрьме.

– Они-то? – я аж поперхнулся от праведного негодования. – Да они сейчас – короли ютюба! Ты понимаешь, что теперь нам прохода не будет? Заебут расспросами!

– А знаешь, почему ты такой? – Кошка запрыгнула на кровать и уставилась на меня.

– Ну...

– Потому что в жизни никогда никуя не выигрывал!

– Ты о чём? – я признаться не был готов к такой смене орбиты.

– Ты не спортсмен!

– Да упаси боже!

– Вот!

– Ебаный в рот!

Марина всплеснула руками:

– Я пошла волосы сушить...

Кошка исполнила танец победителя на кровати. Потом ловко сделала сальто.

– И к чему этот пируэт?

– Как вишенка на торте. Как восклицательный знак. Как констатация.

Я начал злиться. Обычно вывести меня из себя было довольно-таки трудно. Но сейчас эта бестия разогнала меня до релятивистских скоростей. То есть вот то, что она сейчас тут скачет, как вошь по слону, это значит, что я ничего не выиграл? А это всё упало с неба и вот теперь она скачет, а я

мудак...

Чтобы не эскалировать, я пошёл в душ.

От расстройства побрился. Как будто можно всю херню вот так, как с бритвы, стряхнуть в раковину... Делать, конечно, в нашей ситуации нехуй. Круг посвящённых расширялся, а значит очень скоро, согласно математической теории, заговор невозможно будет скрывать, и нашей уютной тихой жизни наступит конец. Есть, конечно, вариант – попытаться всё это превратить в деньги. Книжку там написать, типа мемуаров, только вот название к ней кроме как «Что делать?» не придумать, а это чревато... Времена нынче не те... Хотя, когда они «те» были? У нас что не временной срез, то по горлу. Руби, палач, но быстро! А ты попробуй кивни...

– Долго ты там? – позвала Собака.

– Заканчиваю...

Вышел к народу. Чистый, бритый, как только что выбранный депутат.

– Ты чего это? – Марина удивилась даже.

– Готовлюсь к ужину. Начнётся ведь чёрт знает что. Говорят-не говорят... Откуда, почему... Заебут, одним словом, а если двумя, то сильно заебут.

– А если тремя?

Кошка умеет поднять градус беседы.

– Ты бы лучше так молчала, как пиздишь, – говорю.

– Предлагаю прошлое не ворошить, это и бесперспективно и глупо. Нужна стратегия.

– Стратегия чего? – не понял я.

– Тупой ты, как деревянный утюг.

– Почему деревянный?

– Вот именно поэтому... Итак. Стратегия – слово, которое само по себе обязано заставить синхронизировать действия, в нашем случае синхронизировать все наши возможные объяснения ситуации.

Я посмотрел на Собаку:

– Ты вроде в ванную собиралась?

– Подождёт... Кошка предлагает как-то обозначить берега, и мне кажется, что это не будет лишним.

– Обозначайте... – я принял позу заинтересованного слушателя.

Марина взяла слово:

– Давайте по-тихому уедем отсюда?

Я посмотрел на неё:

– "Я от опасностей иногда ухожу, но никогда не убегаю."

– Ты-то понятно, но и то только потому, что бегун хуёвый, но, на мой взгляд, чем быстрее мы со всем этим разберёмся, тем проще потом будет, – напомнила Собака. – Тут как в преферансе: берём свои взятки сразу, а потом ебитесь как хотите...

Кошка пожалала плечами:

– Мне похуй. Главное, чтобы он нас в свои трудовые резервы не записал.

– Каким местом? – удивился я.

– Этот найдёт каким. Если он туповат, это не значит, что безынициативен.

Я согласился:

– Опасное сочетание...

– Самое опасное!

– Так, и что в результате говорим? – я не стал лезть в дебри философских рассуждений о стиле отечественного руководства государством.

Все опять замолчали. Понятно, что под маской общих теоретических рассуждений, практическая сторона опять зашла раком за камень и осталась обделённой. Дохуя у нас специалистов по общим вопросам, а как яму выкопать, так ни одного лопатноносца.

Я посмотрел на часы, минут через пять надо было уже выдвигаться...

– Значит так... Нихуя мы не придумаем нового. Сколько раз уже проходили этот трогательный момент лишения девственности! Наш дефлорированный – парень крепкий, переживёт, не обосрётся. Здоровья у него как у бульдозера, мне хотя бы половину, я бы с шестом без шеста прыгал бы как с шестом.

– Три шестёрки получилось. Дурной знак... – хмыкнула Кошка.

– Иди ты в пизду!

Когда мы нашей мульти культурной группой спустились в

ресторан, там уже сидела чета спортсменов и Вован. Судя по беседе, говорили о насущном – о нас. По початой бутылке водки я понял, что беседа строилась на принципах доверия и понимания. Не хватало только наших трогательных щей.

– Всем привет! – начал я бодро.

Животные юркнули подальше к окну. Судя по Юлиному лицу, она уже что-то узнала, хотя через такое количество замазки настоящие женские чувства разве разглядишь?

Посмотрел я на Валеру, а он на животных уставился, как пионер на макулатуру. Точно сдаст...

– Ну, чтобы не тянуть за шульги-мульги, начну с главного... – начала Кошка.

И тут Юля заорала. Так орут в истерике психически не готовые к ударам судьбы женщины. Прижав ладони к щекам, выпучив глаза и дико голося в пространство и время...

Не растерялся только Вован. Быстро налив фужер водки, он просто взял и влил его в её открытый рот. Муж-спортсмен даже не успел ничего предпринять. Подвела его спортивная реакция. И к лучшему, надо сказать... Воцарилась тишина. Взоры общественности были устремлены к нашему скромному столику. Я привстал. Почему-то единственная фраза, которая крутилась у меня в голове: "Полковник Кудасов – нищий". Жаль она ну никак не подходила к ситуации.

Да нихуя не подходило к такой ситуации!

Но тут положение спас Вован:

– Слушайте, у нас на той неделе был корпоратив... – на-

чал он ни к селу ни к городу повествовать спокойным голосом. – Пригласили товарищей с одного кирпичного завода. Типа широким жестом всех, с кем работаем: поставщиков, услуги кто какие оказывает, всех, короче... Ну и те за каким-то лешим привезли два чемодана кирпичей...

– Зачем? – нервно спросила Юля.

– Как зачем? – Вован удивился. – Представь, что они всю жизнь делают эти кирпичи. Они для них как для Робинзона – Пятница. Вся их жизнь вертится, точнее говоря, складывается из этих самых ёбанных кирпичей. Вот и пришли с ними. В итоге естественно все перепились, всё-таки заводчане – люди простые, как паркет "ёлочкой", но ничто им не чуждо, особенно страсти, вот и пошло у них о наболевшем между производственниками и продавчиками. В апогее спора достают из портфелей эти самые кирпичи и через стол начинают друг в друга кидать, как дети рыбные котлеты в школьной столовой.

Я смотрел, как речь Вована возымела нужное действие на слушателей. На перепившийся пролетариат из рассказа мне было похуй, а вот на друзей-соседей нет: Юля задышала уже не как после оргазма, а вполне себе как добропорядочный астматик, муж её – Валера (я до сих пор охуевал от того, что спортсмен оказался Валерой), тоже вполне заинтересовался и слушал, почти разинув рот.

– И как разрешилась ситуация? – спортсмен явно заинтересовался.

– Да никак, оказали человекам десяти первую медицинскую помощь, а двух дураков сначала в больничку отправили, а потом уволили к хуям за порчу корпоративного имиджа и распиздяйство.

– А корпоратив? – Юля тоже решила не отставать по лобзательности от своей большей половинки.

Вован отхлебнул минералки:

– А что корпоратив... Свадьба пела и плясала. Подумаешь, кирпичом прилетело от одних долбоёбов к другим, и наоборот, что ж теперь, праздник останавливать? Верно я говорю?

И Вован подмигнул Кошке с Собакой. Те синхронно кивнули. Было видно, как напряглась спортивная чета, но на этот раз последствий в виде обмороков и криков не последовало. Начали привыкать, болезные...

– Ладно, дорогие мои... – Вован поднялся. – Я извиняюсь, надо к своим, а то неудобняк. Но я к вам вернусь ещё!

– Хорошая история, – начал я заполнять паузу, – жизненная, поучительная...

– Очень уж жестокие нравы в кирпичном бизнесе... Как в дикой природе... – заметила Марина.

– Это всё от конкуренции, – важно заявила Юля. Даже палец подняла для акцента сказанного, а потом в фальшивой задумчивости принялась накручивать на этот палец свои крашенные волосья.

Я не уловил связи, но подумал о следующем: вот бабы, они

ведь ебанутые на чувстве своей значимости, что всего сами добились и так далее, но в памяти порывшись, я только Марину назову, кто вот так, с нуля, не будучи никому обязанной, чего-то в этой жизни смогла. Такие мысли пронеслись у меня в голове после Юлиных откровений, а может быть и конкретно в ответ на её уманизм. И это вот кручение волос... Понты чистой воды.

У мужиков тут, между прочим, обратная пропорциональность, чем меньше волос, тем больше умного можем рассказать.

Беседа тем временем на удивление двигалась в спокойном русле. Люди говорили, животные кивали, может не так уж и плохо, что соседи узнали правду? Вован же вон, знает и ничего...

– А вы не думали использовать это? – Валера осторожно покосился на животных.

– Что "это"? – не понял я.

– Их способности.

– Полегче! Мы тоже тут сидим, – напомнила Собака.

Юля перекрестилась, а Валера подвис в непонятном спортивном замешательстве.

– Думаю, они сами прекрасно разберутся, – я подмигнул Собаке. – Свобода – определяющий фактор доверия.

– Вы сидите, а мы спать пойдём. Слишком много свежего воздуха и новых впечатлений, – сказала Кошка и направилась в номер.

Собака кивнула и двинула следом.

5

Если уж я что-то забываю, то забываю качественно. Например, вчера я должен был улетать в Москву, купить еды на неделю, допилить важный договор и снять немного денег, чтобы утром, по пути в аэропорт, отдать аванс за новый диван.

Что я забыл из этого? Правильный ответ – всё.

– Ты далеко?

Я как раз поворачивал с Невского, когда позвонила Кошка.

– Относительно...

– Что относительно?

– Теория! Говори, что надо? Я за рулём.

Кошка включила громкую связь. Было слышно, как меняется фон.

– Еда! Ты помнишь про еду?

– Блин... А про то, что у меня всего две ноги, которые заняты педалями, и одна рука, потому что вторая, которая вроде тоже как в комплекте, немного рулит, вы помните? Я же сказал, что всё куплю.

Когда говоришь по телефону на ходу, надо всегда внимательно смотреть вокруг. У меня это немного получается, поэтому я успел затормозить, когда аудиуха передо мной резко

дала по тискам. А вот ехавший сзади меня гольф таким важным опытом не владел. Я не отпустил тормоз, когда он боднул меня как молодой бычок, чтобы ещё и морду себе не разбить. Водитель аудиухи, глядя в зеркало заднего вида, нервно выдохнул, поняв, что весь удар я принял на себя. Моргнул мне аварийкой в знак моральной поддержки и укатил по своим делам. Госномер я быстро записал в блокнот.

– Да вашу же мать...

– Что там у тебя? – заволновалась Собака.

– Пизда у меня...

– Это лучше психотерапевту рассказывать... Или хирургу... Что там случилось?

– Въебались в меня! Мудак какой-то...

– Еды! Еды не забудь! – кричала напоследок Кошка, когда я открывал дверь.

Я, шепча проклятия, вылез из машины и пошёл осматривать повреждения. За рулём гольфа сидела совсем молодая девчонка и, распахнув глазища, смотрела перед собой, вцепившись в руль. Я осмотрел бампер. В принципе повезло. Пластик не треснул и отыграл назад, остались, конечно, царапины, и усилитель наверняка погнулся, но так даже не заметно. Я посмотрел на гольф. Тут дела посерьёзнее. Решётка пополам, бампер треснул. Ладно, пора знакомиться. Я подошёл и постучал в стекло. Девушка с полными глазами слёз, что может быть романтичнее для первого свидания?

Стекло опустилось:

– Добрый день, – сразу начал я. – Страховка есть?

– Да... Да... Да... – залепетала она.

– Отлично. Давайте знакомиться. Я Алексей.

– Таня...

– Не переживайте, Таня. Жаль, конечно, что так случилось, но теперь уже всё равно назад не вернёшь. Поэтому свыкнитесь, что какое-то время мы проведём вместе. Я пока вызову инспектора, а вы поставьте знак аварийной остановки. Он у вас должен быть в багажнике.

– Зачем?

– Затем, что когда приедут гаишники, то штраф возьмут, если знака не будет... И аварийку включите.

На удивление быстро дозвонившись, я вызвал ментов. Теперь нужно домой сообщить, ведь волнуются, наверное.

– С едой что там? – про аварию Кошка даже не спросила.

Не, не волнуются ни хрена... Вот неужели нет представления о простом сострадании? Я ведь сейчас, может быть, зажат согнувшимся металлоконструкциями и веду борьбу не на жизнь, а на смерть с возможными последствиями аварии, но этим хоть бы хны! Им важна только еда и больше ничего. Что за потребительская бесчеловечность? Откуда это в современной молодёжи?

– Я влип на неопределённое время, – ответил, как можно спокойнее. – Так что советую как-то для моего душевного равновесия этот вопрос забыть.

– Забыть? Про еду? Надолго? – я прямо видел, как Кошка

нервно бегала вокруг столика с телефоном.

– Пока я сам не решу.

– Это значит, пустить на самотёк важнейшую из задач.

– Да идите вы нахер! – тут я уже не вытерпел.

– Так я и думала.

Девушка Таня тоже куда-то звонила по телефону. Взволнованно то всплескивая свободной рукой, то поправляя волосы. Я подошёл ближе.

– А почему ты не знаешь?

По всему выходило, что, наверное, с мужем разговаривает.

– Да, и что? Хорошо, что нормальный человек оказался...

А вот эта часть, видимо, про меня. Я втянул живот и расправил плечи. В правой ключице сразу щёлкнуло.

– Нет, не для этого! – Таня гневно сверкнула глазами.

О, сейчас, интересно, они о чём?

Таня закончила разговор и вышла из машины.

– Извините, но у меня, похоже, никакого знака нет... Или муж не знает, где он должен лежать.

– Муж лежать?

К счастью Таня не услышала вопроса, потому что уже согнулась над багажником.

– Давайте я тоже гляну.

Я согнулся рядом. От Тани приятно пахло духами и вообще, её мужу можно было по-хорошему завидовать.

Я заглянул в лючок для запаски. Переложил справа нале-

во какой-то хлам... Не было знака. Я взял в руки пустую банку из-под омывателя, ядовито-зелёного цвета.

– Это подойдёт.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

Таня опять стала кому-то звонить, а я отошёл на пару метров и поставил банку. Как мне стало понятно из её разговора, она торопилась на встречу и вот теперь извинялась, что не сможет приехать, ссылаясь на обстоятельства.

– У вас тоже всё полетело? – она грустно улыбнулась, закончив разговоры по телефону.

– Да, мои планы тоже пострадали. И если быть точным, то как раз наоборот «не полетели».

– Извините, бога ради... Вроде я аккуратно езжу, но тут так резко все затормозили, я не успела...

Я очень ценю в людях адекватную реакцию на вещи и события. А если это красивая девушка, то сердце моё непроизвольно начинает биться чаще.

– Не переживайте. Всякое бывает.

Таня благодарно кивнула:

– А когда приедут, что будет?

– Вы первый раз в ДТП?

– Да...

– Приобретёте опыт. Приедут, оформят бумаги. Потом надо будет ехать к ним, получить заключение, с которым идти в страховую. Главное, чтобы сейчас быстрее приехали.

– А потом?

– А потом рассчитывайте, что целый день потеряете. Там всегда много народу.

Таня вздохнула. Посмотрела на наши машины.

– У вас почти незаметно, у меня серьёзнее.

– Всё равно красить бампер и усилитель менять. Несколько дней пешком.

– Меня муж убьёт, наверное.

– Из-за такого? Нет, конечно! – успокоил я. – Это же ерунда.

– Вы не знаете... Он всегда так ругается, когда я за рулём.

– Ну, тут я вам сочувствую...

– А вы чем занимаетесь?

Таня уже совсем успокоилась, разве что предстоящий разговор с мужем её немного волновал, но по нашей ситуации она совсем пришла в себя.

– У меня своя маленькая фирма...

Я всегда уклончив, когда с незнакомыми людьми говорю про работу.

– А я месяц назад открыла свой магазин.

Женщины, которые занимаются своим делом, всегда вызвали у меня восхищение. Я уважительно оттопырил нижнюю губу:

– Чем торгуете?

Это про себя я не люблю рассказывать, а про других спросить горазд.

– Дизайнерские штучки, хэнд-мэйд. Я очень люблю всякое такое. Муж денег дал для старта, так что если раскручусь, то хорошо.

– Рискованное вложение, – предположил я наугад, ибо совсем не представлял, как обстоят дела в мире дизайна. Был у меня опыт с ремонтом, да и тот можно признать больше неудачным...

– Согласна.

– Главное, чтобы вам нравилось. Пожарник приходил уже?

– Пожарник? Нет. А придёт?

– Придёт, придёт...

– И что делать?

– Денег попросит. Не напрямую, конечно... Хотя... – я задумался. – Эти могут и прямо сказать. Они народ такой...

– С этим муж разберётся.

– А муж у нас кто?

– В Смольном работает.

– О! Тогда точно разберётся!

Да и с конкурентами, если что, тоже, – подумал я.

– Мне сейчас человек привёз в магазин свои работы, я должна была встретиться, посмотреть, если бы понравилось, то взяла бы для продажи.

– Художник какой-то?

– Рисует на плитке маленькие картинки. В основном на кошачьи темы.

– Кошачьи? – удивился я.

– Знаете, всё, что связано с котами всегда лучше продаётся. Даже исследования такие были. Например, у вас есть обычный чайник, и вот если на него нанести рисунок на кошачью тему, то таких чайников продается больше.

– Жаль, у меня такое не прокатит.

– Не на что клеить?

– Совершенно не прохожу, или как сейчас говорят у вас, не конвертируюсь...

– А вы тоже изучаете все эти модные продажные штучки?

– Да, нет... У меня есть знакомая, она изучает, а я просто рядом сидел, наслушался...

– Умная, наверное.

– О! С этим угадали. Не голова – дом советов.

– Возьмите. Вдруг пригодится. – Таня протянула визитку.

Я благодарно кивнул и положил в карман картонный прямоугольник:

– Вы позволите... Мне тут тоже надо много кому позвонить.

– Конечно!

Я сел в машину и до приезда гаишников протрепался по телефону, иногда поглядывая на Таню в зеркало заднего вида.

Дома, когда вернулся со всех этих разборок, разумеется, получил полное понимание и поддержку.

– За диван заплатил?

– Нет...

– Договор доделал?

– Нет...

– Еды купил?

– Нет.

– В Москву улетел?

– Нет, блядь, я же тут стою, напротив тебя!

– Может, тебе лучше на курсы анонимных алкоголиков попробовать походить?

– Я не хочу даже слышать про то, что вы лучше меня знаете, что мне лучше.

– Ты потом спасибо скажешь, – укоризненно сказала Собака.

– Или будешь жалеть всю жизнь, – назидательно предупредила Кошка.

– Я открою вам секрет: ни жалеть, ни тем более благодарить вас за то, что вы в очередной раз советуете мне изменить мой образ жизни, я не буду! Я живу так уже сорок лет и меняться не собираюсь. А знаете почему? Не потому, что я упёртый баран, а потому что жить так у меня получается лучше всего. И если что-то изменить, то и всё остальное тоже изменится и, скорее всего, совсем не в ту сторону, в которую всем нам хочется.

– Это в какую такую сторону?

– В такую, что если сейчас я еду по главной дороге, то вы

предлагаете свернуть и всегда пропускать помеху справа.

– А слева?

– Что слева?

– Слева тоже надо пропускать?

– Слева не надо.

– Тогда ездите так, чтобы быть всегда справа.

Я вздохнул. Разговор стал походить на экзамен по вождению.

– Я говорю всё это к тому, что мне совсем наплевать, как и где вы мне советуете ездить.

– Мы тебе не ездить, мы тебе жить советуем.

– Тем более!

– Это в тебе сейчас говорит плохое воспитание и отсутствие инстинкта самосохранения.

– Во мне ничего не говорит. Во мне только молчит и недоумевает. Недоумевает и скорбит. Скорбит и делает выводы.

– Какие?

– Глубокие.

– Тогда, пока ты молчаливо негодуешь, вспомни, что через три дня у дяди Вовы день рождения. Надо думать над подарком.

Я почесал подбородок. Ловко они меня раскачали. Умеют засранцы... Да и Вован со своей днюхой подкинул забот... Заморачиваться с подарком теперь... Хотя стоп! Ничего ведь не бывает просто так на этом свете. Боги всегда посылают нам знаки. У меня ведь теперь есть знакомая Та-

ня, которая не умеет вовремя тормозить, но зато по части подарков наверняка может здорово помочь!

Как правило, все роковые решения в жизни принимаются не головой, а чем-то непонятно где находящимся. Обычно говорят, что тем, что в штанах, но в данном случае об этом я даже не думал. Я честно думал о подарке, о том, как удачно оказалось, что смогу подарить другу не стандартный виски многолетней выдержки, а что-нибудь такое, что запомнится и останется. Виски, конечно, я тоже подарю, но на этот раз бутылка будет просто бонусом.

– Ты куда звонишь? – Кошка прямо ужом извертелась вокруг.

– Знакомой...

– Какой, на хрен, знакомой? Ты в своём уме? Я же вижу, какая она тебе знакомая!

– Ты сбрендила совсем? Мне что, теперь по телефону звонить нельзя? Я, между прочим, для Вована подарок хочу найти нормальный, не этот стандартный алковзрывпакет, а что-нибудь такое... Чтобы с душой! Чтобы он посмотрел и сказал: «охуеть!» Или что-нибудь другое. «Охуеть», – это он всегда скажет, за ним не заржавеет, я имею ввиду, чтобы человек понял, что жизнь – это прекрасное состояние матери... Чтобы он... Удивился...

Я, наконец, подобрал нужное слово. Всё-таки плохо у меня со словарным запасом. Сказывается духовная изоляция и добровольно выбранный путь с неизвестным вектором раз-

вятия.

– Марина прилетает через два дня. Смотри не начуди!

Я пожал плечами. Странная конечно она, Кошка. С чего мне, женатому и счастливому человеку, чудить?

– Алло! Татьяна? Добрый вечер! Извините, что так сразу звоню, но у меня к вам просьба необычная...

Я обозначил всю сложность задачи – подобрать для взрослого мужика цепляющий за душу подарок.

– А цель какая? – спросила Таня.

– Цель? Ну, чтобы он увидел и только и мог сказать, что «оху...» – я вовремя поймал себя за язык. – «Отличный подарок», чтобы он сказал. Ну, или типа того. Только он уже дядька много повидавший в жизни и, сразу скажу, удивить его проблематично.

– Я подумаю... Встретимся завтра часов в двенадцать. Вам удобно будет?

– Удобно...

– Что будем дарить? – Собака тут как тут.

– Не знаю ещё. Обещали помочь...

– Кто?

– И ты туда же?

– Странная реакция на простой вопрос. Значит, Кошка правильно почувствовала...

– Да что, вашу мать, почувствовала? Вы прямо два счётчика Гейгера ходячих – всё просекаете, один я у вас, как футболист. Между ног болтается на «м» начинается.

– Мячик? – предположила Собака.

– Муди! – поправила кошка.

Выбесили они меня, одним словом. Вот какого хрена стали разводить эти сорняки на грядке? Я что по-ихнему, мальчик без мозгов? Сами начали про подарок. Всегда ведь хочется, как лучше! Получается, правда, как всегда, но кто ж думает об этом наперёд? Но они-то должны понимать, что не бесконечно я могу терпеть эти издевательства? Нет ничего страшнее ярости терпеливого человека. Терпение – главная причина физических увечий и, наверное, алкоголизма...

Мы встретились с Татьяной на Пяти углах. Там вокруг было много всяких удачных мест для развития ситуации. Пять, как минимум. И думаю, что архитектурно так и задумывалось зодчими. А как максимум, аж дух захватывает...

В этот раз дух перехватило у меня от Таниного появления. Причём сразу, как только она вошла. В красивом коротком пальто, акцентирующем внимание на её идеальных ногах. С безупречной причёской... Решительная и неумолимая, как нос ледокола. Только не в пример грациознее.

– Давно ждёте?

Я посмотрел на часы.

– Семь секунд...

– Вы всегда так следите за временем?

– С восьмой секунды, нет...

Я помог ей снять пальто. Идеальный костюм, идеальные

ногти, удивительная улыбка... Я понял, что поплыл...

– Так, – сказала Таня. – С чего начнём?

И посмотрела на меня, как будто не знает, с чего обычно мужики начинают.

– Э... Не знаю... Он парень простой, но образованный и начитанный. В принципе, как и все в нашем поколении...

– Может, у него есть какие-то хобби? Увлекается же он чем-нибудь?

Я кивнул:

– Это есть. Рыбалка, бильярд...

– Ещё что-нибудь?

Мне стало неудобно. Вроде как Вовка мой лучший друг, а в душу я ему никогда не лез. Хотя может потому и дружим, что не лез? Странное это дело, мужская дружба... С женской понятно всё, а вот у нас...

– И всё? – вырвала меня из размышлений Татьяна.

– Вроде как всё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.